

является не только божественной, но и человеческой), и это объясняет сходство многих положений разных религий. Здесь мы ведем речь уже об универсальных целях, основаниях универсальной нравственности. Такие цели доступны прогнозированию, поскольку константны, не меняются во времени в своих содержаниях, от футуролога требуется лишь наиболее точно рассмотреть их в настоящем с тем, чтобы перенести в будущее.

По нашему мнению, прогнозирование перспектив будущего развития наиболее эффективно там, где оно исходит из объективных оснований – объективных целей, объективной рациональности и объективных средств, конструирующих будущие состояния обществ. Поэтому наиболее реальны прогнозы «духовидцев», исследователей, опирающихся не столько на исторические, субъективные детерминанты развития, сколько на божественные, объективные. И еще одним методологическим правилом должен, по нашему мнению, руководствоваться футуролог при составлении достоверных прогнозов. Идеи, цели, вызревающие в обществе, имеют тенденцию к замедлению своего реального воплощения. То есть, идейное мышление в момент своего воплощения в умах мыслителей не имеет еще конкретизации, объективации в социуме, поскольку происходит во времени несколько позже, после соответствующих интерпретаций исследователями оригинальных идей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии (фрагменты) // Ерина Е.Б. Б.П. Вышеславцев. – М., Ростов-на-Дону: МарТ, 2006.
2. Розанов В.В. Красота в природе и ее смысл // В.В. Розанов. Русская мысль. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
3. Фромм Э. Человек для себя. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006.

УДК 140.929Ясперс

КОНЦЕПЦИЯ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ К. ЯСПЕРСА И ТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается концепция осевого времени К. Ясперса с точки зрения тематического анализа. Автор предлагает исследовать этот ключевой период мировой истории в более широком контексте посредством анализа особенностей ментальных революций не только в Древней Греции, Индии и Китае, но и в персидской и древнеримской культурах.

У статті йдеться про концепцію осьового часу з точки зору тематичного аналізу. Автор пропонує дослідити цей ключовий період світової історії у більш широкому контексті шляхом аналізу особливостей ментальних революцій не лише у Давній Греції, Індії та Китаї, а й в перській та давньоримській культурах.

The article deals with the Karl Jaspers' Axial Age conception from the viewpoint of the thematic analysis. The author suggests the studying of this key-period of the World's history in a broader context with the analysis of the mental revolutions peculiarities, not only in Ancient Greece, India, and China, but also in Persian and the Ancient Roman cultures.

Актуальность темы обусловлена необходимостью более глубокого исследования концепции К. Ясперсом особенно важного периода в мировой истории, когда в определенном смысле закладывались основные траектории развития мировой цивилизации. Новизна работы

выражается в демонстрации некоторой ограниченности подхода немецкого философа и возможности более конкретного анализа преобразовательных процессов в Персии, Индии, Китае, Греции и Риме в осевое время. *Цель статьи* выражается в том, чтобы показать эффективность тематического анализа осевого времени.

К. Ясперс об осевом времени

Одной из плодотворных идей в философии истории является идея К. Ясперса об осевом времени, когда «были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности» [1, с. 33]. Хронологические рамки этого периода он очерчивает 800 – 200 гг. до н. э. По его мнению, процессы радикальных преобразований происходили практически одновременно и независимо друг от друга в трех основных очагах мировой цивилизации – в Древней Греции, Индии и Китае. Все остальные народы остались за бортом революционных изменений или испытали трансформации под влиянием трех локомотивов мировой истории. В исследовании К. Ясперса просматриваются две методологические установки. Во-первых, он всячески стремится преодолеть в себе европоцентристское видение культурно-исторического процесса. Во-вторых, в столь разнородных культурах он настойчиво пытался выявить общее для всех их основание. С переменным успехом и то, и другое ему удалось.

Общая характеристика периода осевого времени

К. Ясперс выдвигает следующие хронологические рамки осевого времени: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э. Тогда произошел самый резкий поворот в истории. Появился человек такого типа, какой сохранился и по сей день. Это время мы вкратце будем называть осевым временем» [1, с. 32]. По его мнению, коренные изменения, прежде всего, в духовной сфере, а также в социально-политических и экономических отношениях произошли «почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» [1, с. 33]. На наш взгляд, эти исходные положения его концепции требуют существенного уточнения. В этом пятисотлетнем периоде великой ментальной революции представляется целесообразным выделить следующие этапы: предреволюционный (VIII – VII вв. до н. э.), революционный, когда произошел духовный прорыв, были сделаны главные «открытия» и кардинальные преобразования в этих трех культурах (VI – первая половина V в. до н. э.) и постреволюционный, в ходе которого шел процесс обоснования и «концептуального развертывания» фундаментальных установок, превращения их в парадигму, формирования ценностно-мыслительного пространства культуры принципиально иного типа. Анализируя ментальные революции в Индии, Китае, Греции и Риме, мы будем придерживаться этой периодизации осевого времени. Однако основное внимание сосредоточим на ключевом этапе – эпохе духовного прорыва, революционных перемен.

Относительно независимости, параллельности протекания этих процессов в трех очагах мировой истории (Индии, Китае и Греции), на наш взгляд, нельзя быть столь категоричным. Развитие современной исторической науки убедительно показывает, что экономические и культурные связи между народами Азии, Африки и Европы были устойчивыми и гораздо более тесными во II – I тысячелетиях до н. э., чем предполагали ранее. Вывод К. Ясперса об автономности революционных преобразований в трех цивилизациях является также следствием недооценки им роли персидской культуры как моста, связывающего культуры Востока и Запада. Он не смог преодолеть предубеждений грекоцентристского мифа, созданного еще Геродотом, о

Персии как варварском государстве, хотя в своей работе К. Ясперс положительно оценивает персидскую культуру и деятельность Заратуштры. При всей действительно автономности этих процессов на стадии духовного прорыва одним из первых был Заратуштра и его учение, о чем свидетельствует сама хронология жизни отцов великой ментальной революции в Индии, Китае и Греции. Заратуштра был самым старшим из них.

В чем суть революционных перемен? К. Ясперс всячески старается дать всесторонний, комплексный анализ осевого времени. Мы ограничимся лишь ментальной стороной этого процесса. В целом он зафиксировал главные завоевания Духа этого периода. Однако в расстановке приоритетов проявилась его ограниченность европейски мыслящего философа. Европоцентристские стереотипы в полной мере проявляются у исследователя в оценке культур Востока, когда очевидные завоевания восточного Духа многие мыслители-западники просто не видят. Этой западнической «болезни» не смог избежать и К. Ясперс.

VI век до н. э. положил начало разделению мирового культурно-исторического процесса на два основных периода: архаический и современный. В этом веке в ментальных пространствах указанных цивилизаций появилось субпространство с совершенно иной метрикой, которое достаточно быстро расширялось. Это обстоятельство привело к разрушению архаического, натуралистически-силового по своей природе пространства и установлению разумно-добродетельной системы координат ментального пространства культуры, которое постепенно стало транслироваться на другие культуры. По существу в мировой истории был совершен самый большой скачок.

Согласно К. Ясперсу, в осевое время основной прорыв был совершен в бытии человека, который повлек за собой кардинальные изменения во всех других сферах. «Все эти изменения в человеческом бытии, — пишет немецкий философ, — можно назвать *одухотворением*: твердые изначальные устои жизни начинают колебаться, покой полярностей сменяется беспокойством противоречий и антиномий. Человек уже не замкнут в себе. Он не уверен в том, что знает самого себя, и поэтому открыт для новых безграничных возможностей. Он способен теперь слышать и воспринимать то, о чем до этого момента никто не спрашивал и что никто не возвещал. Неслыханное становится очевидным... Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе... Человек может теперь внутренне противопоставить себя всему миру. Он открыл в себе истоки, позволяющие ему возвыситься над миром и над самим собой. В спекулятивном мышлении он возносится до самого бытия, которое постигается без раздвоения, в исчезновении субъекта и объекта, в слиянии противоречий... Человек выходит за пределы своего индивидуального существования, сознавая свое место в целостности бытия, что он вступает на путь, пройти который он должен в качестве данной индивидуальности. Он может отказаться от всех мирских благ, уйти в пустыню, в лес, в горы; став отшельником, познать творческую силу одиночества и вернуться в мир обладателем знания, мудрецом, пророком. В осевое время произошло открытие того, что позже стало называться разумом и личностью» [1, с. 34-35]. Эти глубоко продуманные высказывания К. Ясперса не могут вызывать возражений. Однако, по нашему мнению, антропологическая реальность была не причиной, а одним из главных следствий великой ментальной революции.

В эпоху кардинальных перемен первичным был прорыв в религиозных представлениях. Открытие Бога как чисто духовной, разумно-добродетельной (или сверхразумной) реальности влекло за собой переосмысление, переоценку всей тематической структуры ментального пространства культуры — разрушение натуралистически-силовой системы координат и одухотворение и насыщение рационально-нравственным содержанием ценностно-мыслительного пространства культуры.

Представление о Боге как чистом Разуме влекло за собой переоценку собственной

природы, открытие в себе разума как чисто духовной реальности однородной с Богом. Мораль рассматривалась как проявление разумной деятельности человека в соответствии с требованиями Бога-Разума. В осевое время при переходе от мифологического натуралистического мышления к разумно-добродетельному господствовала объективистская установка. Открытая духовная реальность в мире (Бог) и в себе (разум и добродетель) онтологизировались. В этом смысле в Китае (Конфуций, Лао-цзы и их ученики) и Греции (философы-досократики) практически все были объективными идеалистами. Нельзя сказать, что Платон открыл метафизическое пространство — мир эйдосов. Мир чисел Пифагора, Логос Гераклита, бытие Парменида, Нус Анаксагора — это различные способы теоретического осмысления одной и той же объективной разумно-добродетельной реальности. Универсальный объективизм, онтологизация духа — важная примета мировосприятия в эпоху великой ментальной революции. Поскольку древнеиндийские подвижники в освоении метафизического пространства предвинулись дальше китайцев и греков, дошли до осознания ее сверхразумной природы, то и объективистская установка ими частично была преодолена. Это обстоятельство мы наблюдаем в буддистской онтологии и антропологии.

К. Ясперс отмечает еще одно важное завоевание Духа осевого времени: рефлексивный характер функционирования духовной культуры, ее замкнутость на себя, постоянную работу Духа по осмыслению своей собственной природы и перспектив дальнейшего развития. «Исторический процесс, — отмечает немецкий философ, — это непрерывное преобразование условий, знания, содержания в их непосредственном явлении, но такое преобразование, при котором возможно и необходимо отношение всего ко всему, связь традиций, всеобщая коммуникация» [1, с. 72]. «История превратила человека в существо, стремящееся выйти за свои пределы. Только в истории он ставит перед собой свою высокую задачу» [1, с. 73]. Применительно к западноевропейской культуре он пишет: «Свойственная Западу *решительность*, в силу которой проблемы доводятся до своего логического конца, до полной ясности, до выявления всех возможных альтернатив, в силу которой осознаются принципы и устанавливаются позиции глубочайшей внутренней борьбы... Здесь образовалась та степень открытости, бесконечной рефлексии и проникновенной углубленности, для которой только и мог озариться светом весь смысл коммуникации между людьми и горизонт подлинного разума» [1, с. 88].

Осевое время и мировой исторический процесс

Согласно К. Ясперсу, осевое время разделяет мировой исторический процесс на два существенно различных периода. Мы их назовем доосевым и постосевым. По его мнению, с осевого времени собственно начинается история. Первый период им рассматривается в определенном смысле как неполноценный. «Осевое время знаменует собой исчезновение *великих культур древности*, — отмечает немецкий философ, — *существовавших тысячелетиями*. Оно растворяет их, вбирает их в себя, предоставляет им погибнуть — независимо от того, является ли носителем нового народ древней культуры или другие народы. Все то, что существовало до осевого времени, пусть оно даже было величественным, подобно вавилонской, египетской, индийской или китайской культуре, воспринимается как нечто дремлющее, пробуждившееся. Древние культуры продолжают существовать лишь в тех своих элементах, которые вошли в осевое время, восприняты новым началом. По сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некоей своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания» [1, с. 37].

С точки зрения тематического анализа первый период можно назвать архаическим, специфику которого определяет натуралистически-силовая система координат ментального пространства культуры. Ее осями выступали доминирующие темы «натуры», «силы», «рода» и

«эроса». Осевое время знаменовало собой осуществление великой ментальной революции, в ходе которой был совершен кардинальный переход к принципиально иной системе координат, в большой степени определявшей мировой исторический процесс и современное ментальное пространство культур большинства народов планеты.

В выше приведенной цитате К. Ясперса проявляется ограниченность его понимания характера осевого времени, преобразовательные процессы которого он сводит преимущественно к человеку, пробуждению у него самосознания. Для индийца и китайца это обстоятельство не было главным. В жизни индийца определяющим было стремление к вхождению в надличностное метафизическое пространство Божественной реальности.

Как философ истории К. Ясперс обозначил логику исторического развития в постосевой период: «Вначале осевое время ограничено в пространственном отношении, но исторически оно становится всеохватывающим. Народы, не воспринявшие идей осевого периода, остаются на уровне «природного» существования, их жизнь неисторична, подобно жизни множества людей на протяжении десятков тысяч и сотен тысяч веков. Люди вне трех сфер, составляющих осевое время, либо остались в стороне, либо вошли в соприкосновение с каким-либо из этих трех центров духовного излучения. В последнем случае они вошли в историю. Так, в орбиту осевого времени были втянуты на Западе германские и славянские народы, на Востоке — японцы, малайцы и сиамцы. Для многих пребывавших на уровне природного существования народов такого рода соприкосновение означало вымирание. Все жившие после осевого времени люди остались на уровне первобытных народов либо приняли участие в новом движении — единственном, имевшем основополагающее значение» [1, с. 38]. «Предшествующие ему великие культуры древности теряют свою специфику. Народы, которые были их носителями, становятся для нас неразличимыми по мере того, как они примыкают к движению осевого времени. Доисторические народы остаются доисторическими вплоть до того времени, пока они не растворяются в историческом развитии, идущем от осевого времени; в противном случае они вымирают. Осевое время ассимилирует все остальное. Если отойти от него, то мировая история обретает структуру и единство, способные сохраниться во времени, и, во всяком случае, сохранившиеся до этого дня» [1, с. 39]. Как мы видим, по его мнению, стержень развития мировой истории составляет процесс трансляции мыслительных структур из «культур-революционеров» (Древней Греции, Индии и Китая) в иные культуры. Претерпев преобразования, последние приобщаются к мировому потоку исторического развития. Те же страны и народы, которые не испытали цивилизаторского влияния культур-локомотивов истории, остались за пределами исторического процесса и постепенно деградировали.

С точки зрения тематического анализа открывается возможность значительно уточнить характер и направленность мирового культурно-исторического процесса. Всеобщий характер изменений в духовной сфере в осевое время объясняется переходом от натуралистически-силовой системы координат ментального пространства культуры к разумно-добродетельной. Это обстоятельство привело к всеобщей переоценке всех прежних ценностей. Однако направленность изменений в трех очагах культурного взрыва была существенно различной. На Западе процесс трансляции фундаментальной тематической структуры (ФТС) носил преимущественно насильственный характер. Периоды эллинизма и становления Римской империи для коренных народов Средиземноморья по существу означали навязывание извне в качестве господствующей ценностно-мыслительной структуры систему координат античной культуры. Поэтому ментальные пространства завоеванных народов были разорванными, состояли из античной и национальной ментальности, что нередко не учитывается исследователями. В ясперовское осевое время (VI – IV вв. до н. э.) ментальная революция в Древней Греции и Риме была незавершена в метафизической сфере. Эта задача была решена в ходе христианизации Римской империи. В отличие от Востока,

фундаментальные ценностно-мыслительные установки которого сформировались приблизительно в VI – III вв. до н. э. и затем практически не изменялись, осевое время на Западе охватывает почти тысячу лет. Поэтому ФТС Запада, задающая систему координат западноевропейской культуры представляет собой синтез двух ментальных субструктур – античной и христианской. Впоследствии в процессе христианизации западноевропейских народов транслировались эти две ценностно-мыслительные субструктуры.

На Востоке неагрессивный характер древнеиндийской и древнекитайской культур обеспечил относительно мирное распространение их духовных завоеваний среди отсталых народов-соседей. Поэтому ФТС культур Востока, определяющая систему координат их ментальных пространств составляют две ценностно-мыслительные субструктуры индийской и китайской культур. Поскольку эти две ментальные субструктуры в большой степени несовместимы (лишь буддизм в некотором смысле выполняет интегративную функцию), то нельзя говорить о Востоке как единой целостной ментальной реальности. Позже в это мыслительное пространство войдет ментальность ислама. Тематический анализ позволяет дифференцировать эти существенно различные явления и, таким образом, провести их более глубокое исследование.

Европоцентристские очки К. Ясперса

Одной из важных задач философии истории, культурологи XXI века является задача освободиться от европоцентристских ментальных установок, которые препятствуют более объективному, глубокому исследованию исторического и культурологического материала. Многовековая традиция постоянно модернизирующейся западноевропейской парадигмы настолько укоренилась среди исследователей, что воспринимается как отработанная, универсальная методология гуманитарного исследования. Поэтому следует провести ревизию базовых ментальных установок на предмет их теоретической обоснованности. Нередко при сопоставлении культур Запада и Востока некоторые утверждения, не имея достаточного основания, рассматриваются как универсальные.

Глубокий мыслитель К. Ясперс в большой степени преодолел ограниченность европоцентристского подхода. Однако влияние последних временами дает о себе знать. Так, при описании развития западного мира он противопоставляет его «мертвой застывшей духовной жизни» в Китае. Почему динамика западного мира должна быть лучше динамики развития индийского и китайского миров? На наш взгляд, представляется более плодотворной методологической установкой стремление рассматривать своеобразие ритма китайского жизненного мира, не менее полноценного и насыщенного духовной борьбой и достижениями.

Другой европоцентристский фрагмент в книге К. Ясперса: «Христианство, христианская церковь является, быть может, самой великой и возвышенной формой организации человеческого духа, которая когда-либо существовала» [1, с. 82]. Подобная романтизация западного христианства в начале XXI века не может не восприниматься как устаревший стереотип. Варваризация христианства в темные VII – IX века, падение нравов и религиозной веры в XI – XIII веках, в эпоху Возрождения, жестокий кризис в эпоху Реформации, сопровождавшийся кровавыми насилиями и казнями, кровавая христианизация Америки. В истории западной Церкви трудно найти период стабильно высокого благочестия. В области религиозной метафизики, продвижении к Боговидению, по нашему мнению, западное христианство оказалось позади индуистов.

Но самые большие парадоксы возникают у европейски мыслящих философов, историков, культурологов в оценке места византийской культуры, Византийской империи во всемирной истории. Они единодушно относят византийскую культуру к Востоку. Примечательно, что они

даже не видят противоречивости своего мышления. В оценке Византии в плену европоцентристских стереотипов остался и К. Ясперс. «На Востоке Константинополь оставался центром Восточной империи, — пишет немецкий философ, — и культуры вплоть до XV в. без перерыва. Здесь на основе ислама и в постоянном соприкосновении, как с Европой, так и с Индией формировался нынешний переднеазиатский Восток» [1, с. 81-82]. «В этом преобразованном мире византийское христианство мало чем отличалось от остальных догматических религий» [1, с. 83].

Если не ограничиваться поверхностными суждениями о византийской культуре и обратиться к анализу его ментального пространства, то мы увидим, что последнее оказалось разорванным. Одну его часть составляло субпространство социального бытия, систему координат которого задавали темы «закона», «императора», «добродетели», «разума» и «свободы». К этому следует добавить, что благодаря господству греческого языка как государственного был всегда задействован материал античной Греции. А поскольку византийцы называли себя ромеями (наследниками и продолжателями дела римлян), то они опирались на традиции и древних римлян. Таким образом, в своей ментальности социального бытия византийцы были в значительно большей степени носителями европейских традиций, чем западноевропейцы второй половины первого тысячелетия, почти полностью утратившие связь с ментальностью античной Греции и частично Рима. Никаких восточных мыслительных структур в византийском Духе мы не наблюдаем.

Различие западноевропейского и византийского Духа проявляется в интерпретации христианства. Естественно эти различия относятся к внутренним противоречиям европейского Духа. Но если сравнивать развитие «догматического» византийского христианства и «развивающегося» западного за тысячу лет Средневековья, то мы увидим непрерывную, напряженную работу византийского Православия и пятисотлетний провал западного богословия после Августина (до Иоанна Скота Эриугены — IX век) и четыре столетия интенсивной работы в позднее Средневековье. Все различие между западноевропейским и византийским Духом сводится к различию византийской православной метафизики Пути и католической метафизики Логоса. Еще раз повторим: это внутреннее противоречие европейского Духа. Поэтому давно следует исправить досадную ошибку эпохи Средневековья отнесения византийской культуры к Востоку.

До К. Ясперса в мировой истории выделяли поворотные моменты: рождение Иисуса Христа, бегство или переезд Мухаммада из Мекки в Ясриб, рождение и просветление Будды. С Нового времени благодаря экспансионистской природе европейской цивилизации и завоевание почти всего мира в начале XX века год рождения Иисуса Христа стал исходной датой для построения универсальной хронологии мировой истории. Однако с точки зрения современной философии истории рождение Иисуса не может служить безусловным основанием в периодизации всемирно-исторического процесса. Заслуга К. Ясперса как философа истории выражается в том, что он в поступательном ходе мировой истории открыл поворотный момент (осевое время) и провел его систематический анализ. Вместе с тем, будучи философом экзистенциалистом, он свел глобальный духовный переворот к прорыву в бытии человека, как исходному процессу в цепи глубоких преобразований. При этом в ходе анализа осевого времени ему не удалось избавиться от европоцентристских предпочтений. Отталкиваясь от общей характеристики поворотного периода мировой истории К. Ясперса, в настоящем исследовании преследуется цель прояснить своеобразие ментальных революций в Персии, Древней Индии, Китае, Греции и Риме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.